

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ГОЛОСА

Люди
необычных
профессий

Проводники поезда Москва — Керчь знали Василия Ланового не хуже самых заядлых любителей кино. Много лет Лановой встречал этот поезд: ждал посылку — очередную канистру с морской водой. Хронический катар горла он приобрел еще в школе, выступая в самодеятельности. Ему удалось потом немного укрепить голос: массировал горло, полоскал его морской водой. Василия приняли в театр имени Вахтангова, но давали только характерные роли, хотя он мечтал о роли Дон-Жуана. Вахтанговцы говорили: «Эх, еще бы голос тебе!».

И тогда молодой актер познакомился с Александром Николаевичем Вороновым.

— Начнем наши занятия с того, — сказал Воронов, — что вы выльете свою морскую воду. Три года занимался Лановой у Воронова и прошлой осенью сыграл на сцене театра имени Вахтангова роль Дон-Жуана.

Анализировать систему Воронова — дело специалистов. Скажу только о самом главном: в каждом случае режиссер-педагог стремится выявить естественную природу человеческого голоса, тренирует связки, а не губы. Воронов считает, что актеру всегда хватит голоса, если он сознательно владеет своими связками. Голоса не хватает, когда дыхание проходит мимо связок. «Дыхание — у быка, а поет — соловей», — говорит Александр Николаевич.

Ну, а если человек, который не владеет собственным голосом, — учитель или лектор? Привожу рассказ профессора С. П. Острогнутова:

— У меня всю жизнь был хриплый голос. Я всячески боролся с этой хрипотой, у всех врачей побывал — ни малейшего облегчения. Я уже было махнул рукой и решил, что придется мириться с этим недостатком. Но дошло до того, что у меня среди лекции пропадал голос. Пятилетний сынишка моего соседа называл меня «дядя Кхе», потому что я ежеминутно издавал такой звук. Когда я познакомился с Александром Николаевичем и начал с ним заниматься, то буквально через два урока у меня это пропало. Был безголосый и вдруг заговорил. До сих пор занимаюсь зарядкой голоса.

А сколько актеров буквально спас Воронов! После первых спектаклей «Отелло» Николай Дмитриевич Мордвинов стал терять голос. Он по нескольку дней молчал и выходил на сцену только с одной мыслью — лишь бы не сорваться, лишь бы до-

говорить спектакль. Но хрипел уже после первого монолога.

Александр Николаевич сказал Мордвинову:

— У вас баритон, а вы говорите тенором.

Мордвинов не поверил. Он всю жизнь говорил тенором, сыграл много ролей. Но вспомните Мордвинова в роли Отелло: каким звучным баритоном читает он монологи мавра. Воронов оказался прав.

Дмитрий Николаевич Журавлев вспоминает:

— У меня что-то страшное делалось с горлом. Это было, вероятно, с детских лет, а может быть, и приобретено потом — разомкнутые связки. Затем у меня появился, говорят, узелок на связках. И вот в таком катастрофическом состоянии я пришел к Александру Николаевичу, а через год был спасен.

Александру Николаевичу Воронову семьдесят два года. В прошлом оперный певец, ученик Станиславского, он увлекся изучением природы человеческого голоса и добился удивительных результатов. Недавно на показательном занятии в ЦДРИ Воронов приглашал на сцену всех желающих. И вот девушка, которая только что читала стихи глухо и вяло, вдруг наполнила своим голосом весь зал. Потом еще одно чудо, еще...

Марецкая, Астанков и Журавлев писали в свое время: «Методы преподавания Воронова являются синтезом многих достижений отечественной школы сценической речи». Александр Николаевич занимается сейчас с актерами Малого театра, театра студии «Современник», театра имени Вахтангова. Но по-прежнему преподает эту систему только он один. И притом — только в театрах, где приходится уже «спасать голос». Может быть, пора ввести преподавание системы Воронова в театральные училища и институты? Может быть, пора сделать доступной ее не только актерам?

Это не праздный вопрос.

Ю. ЗЕРЧАНИНОВ.

„МОСКОВСКАЯ ПРАВДА“
г. МОСКВА

1 АВГ 1963